

и глубочайшихъ созданий, такихъ какъ, напр., „Не ждали“ Рѣпина (Свѣтъ, 1884, № 74); наконецъ г. К. Маковского, Бронникова и Полѣнова признавалъ „лучшими художниками“ всего Товарищества передвижныхъ выставокъ (Спб. Вѣдом., 1880, № 75).

Не одинъ художникъ А. Ледаковъ рабѣбно мѣлѣть передъ Западомъ, и, ожидая только оттуда и отъ всяческаго подражанія — спасенія русскому искусству, презрительно поглядывалъ на все созданное нашею новою школою. По этой самой части отличались тоже и многіе не-художники. Такъ, наприм., г. Боборыкинъ, среди своей всеобъемлющей литературной дѣятельности, во всѣхъ возможныхъ родахъ, удѣлялъ всегда не мало мѣста также и художественнымъ статьямъ. Здѣсь онъ всего болѣе посвящалъ страницъ негодованію на дерзкое отступничество новаго русскаго искусства отъ смиренной покорности западнымъ преданіямъ, привычкамъ и вкусамъ. Г. Боборыкину ничего такъ бы не хотѣлось, какъ того, чтобъ русскіе живописцы и скульпторы дѣлали точь-въ-точь то самое, что новые и старые итальянцы, французы, нидерландцы. Поэтому онъ и громилъ русскую художественную непочтительность, русскую самобытность, русское исканіе „содержанія“ въ картинахъ и скульптурахъ, русское несогласіе на „искусство для искусства“, столь распространенное во всей новой Европѣ, на тѣсную связь русскаго искусства съ русской литературой. Вслѣдствіе поверхностныхъ привычекъ мысли, пріобрѣтенныхъ имъ во время порханія по Европѣ, г. Боборыкинъ желалъ бы видѣть насажденнымъ у насъ то, отъ чего отрешиваются лучшіе люди Запада и что у насъ, слава Богу, еще покуда не привилось: безцѣльное виртуозничанье и способность довольствоваться имъ однимъ въ искусствѣ, помимо всего того, что во сто разъ важнѣе этого виртуозничанья. Поэтому-то, по поводу 25-лѣтія русскаго новаго искусства, г. Боборыкинъ и способенъ былъ говорить вотъ что: „Мы можемъ теперь, безъ всякаго національнаго хвастовства, сказать, что существуетъ уже цѣлая русская школа. Но вотъ это-то рожденіе и вызвало въ нашей художественной критикѣ цѣлое ученіе, въ которомъ національное чувство получило окраску, гораздо болѣе вредную, чѣмъ полезную для развитія нашей живописи... Давно уже раздаются у насъ голоса (къ счастью, ихъ у насъ не особенно много) во имя самобытности, понимаемой чрезвычайно узко. Такой домашній, доморощенный протестъ вызванъ тѣмъ, что искусство (живопись) было слишкомъ отторжено отъ жизни. Художникамъ давалось черезъ-чуръ академическое развитіе... Но движеніе во имя большей жизненности искусства вовсе не наше доморощенное изобрѣтеніе“ („Живоп.